

Фатум, судьба, рок. (Из автобиографии) Июль 1919 г.

Я всю жизнь жаловался на судьбу, на несчастья, на препятствия к плодотворной деятельности. Случайны ли они, или имеют какой-либо смысл? Не вели ли они меня по определённому пути с определённой высокой целью? Я постараюсь тут решить этот вопрос.

Я родился в 1857 году. В 1867–[18]68 году, когда я был, приблизительно, 10–11 лет, последовал первый удар судьбы. У меня была скарлатина, результатом чего были: некоторое умственное отупение и глухота. До этого я был счастливым и способным ребёнком, и меня очень любили, вечно целовали, дарили игрушки, сладкое, деньги.

Что же было бы со мной, если бы я не оглох? Предвидеть этого точно, конечно, невозможно, но приблизительно вышло бы следующее: по моим природным способностям, здоровью, счастливой наружности, талантливости я пошёл бы по проторенной дорожке. Кончал бы разные курсы, служил, делал карьеру, женился, имел много детей, приобрёл бы состояние и умер бы в счастье ограниченный, довольный и окружённый многочисленным потомством и преданными людьми. Ум бы мой спал, успокоенный счастьем, удовлетворённый природой.

Я, может быть, сделал бы что-нибудь маленькое, написал какую-нибудь книжку, развил бы какую-нибудь философию, может быть изобрёл бы что-нибудь и осуществил, но всё это было бы очень ничтожно и сомнительно, так как счастье и удовлетворённость погашают высшую деятельность.

Но что же сделала со мной глухота? Она заставляла страдать меня каждую минуту моей жизни, проведённую с людьми. Я чувствовал себя с ними всегда изолированным, обиженным, изгоем. Это углубляло меня в самого себя, заставляло искать великих дел, чтобы заслужить одобрение людей и не быть столь презираемым. Мне всегда казалось, что за глухоту меня презирают. Да оно так и было, хотя принято скрывать презрение к больным и уродам. Начальный удар от глухоты произвёл усиление ума, который от людей перестал получать впечатления. Я как бы отупел, ошалел, постоянно получая насмешки или обидные замечания. Способности мои ослабели, я как бы погрузился в темноту.

Учиться в школе я не мог. Учителей совершенно не слышал, или слышал одни неясные звуки. Но постепенно мой ум находил другой источник идей – в книгах. Лет с 14 – 15 я стал интересоваться

физикой, химией, механикой, астрономией, математикой и т.д. Книг было, правда, мало, и я погружался больше в собственные свои мысли. Я не останавливаясь думал, исходя из прочитанного. Многого я не понимал, объяснить было некому и невозможно при моём недостатке. Это тем более возбуждало самодеятельность ума. Глухота, заставляя непрерывно страдать моё самолюбие, была моим погоняем, кнутом, который гнал меня всю жизнь и теперь гонит, она отделила меня от людей, от шаблонного счастья, заставила меня сосредоточиться, отдаться своим и навеянным наукой мыслям. Без неё я никогда бы не сделал и не закончил столько работ.

Если бы она была раньше десяти лет, то я бы не получил языка, грамоты, начатков образования, достаточного здоровья и жизнеспособности, не мог бы перейти к науке, не вынес бы произведённого глухотой разрушения. (Я легко бы мог сделаться немым или безграмотным.)

Если бы она была много позже, то я мог бы не вынести этого горя, не приучился бы вовремя размышлять, заразился бы идеями людей и их счастьем и не отстал бы, пожалуй, от них.

Но глухота одна не могла бы сделать из меня то, что вышло. Помимо благоприятной наследственности последовал ещё ряд толчков и жестоких ударов, которые довершили дело глухоты.

Отец имел очень небольшие средства. К 21 году, когда меня освободили от воинской повинности, предполагалось купить дом и жить доходами с него мне, отцу, тётке и сестре. Так думали устроить мою судьбу. Это было $(1857+21=1878)$ в 1878 году. Но тут опять вышел незначительный толчок, который, однако, мою жизнь направил по совершенно иному руслу. У отца был микроскоп. Я что-то смотрел в него, или развинчивал его, и потерял одно из трёх стёклышек. Микроскоп был старинный и простой (потерял, но, сколько я ни искал, никак не мог найти). Отец не любил такого рода неряшества, и я, опасаясь неприятности, употребил все усилия, чтобы отыскать крохотное стекло, и всё же его не нашёл и отцу не сказал. Между тем он потом давал кому-то этот прибор, получил обратно, осмотрел и не нашёл одного из окуляров. Стал сердиться и жаловаться мне: «Вот как давать людям вещи!»

Тогда я сказал, что стекло потеряно мною. Он страшно огорчился, так как напрасно обвинял своего неповинного знакомого, и потому рассердился на меня. Произошла неприятная сцена, в которой виноват более всего был я. Результатом её был разрыв между мной и отцом. Я не захотел жить с ним. Нанял отдельную комнату. Но жить было нечем. (Ранее в другом городе я имел много уроков (В Вятке – В.А.), но в Рязани меня никто не знал, и потому я скоро прожил накопленные ранее деньги.) Поэтому мне пришлось

спускаться с облаков, приняться за ненавистный мне катехизис, богослужение, грамматику и т.д. и сдать экзамен на учителя математики. Дело было в октябре–ноябре следующего, 1879 года. Кажется, в сентябре 1880 года я сдал экзамен и получил место учителя математики в Боровске Калужской губернии.

Крайне незначительное обстоятельство – потеря стёклышка – совершенно изменило мою жизнь. Я был предоставлен самому себе. На первом плане я ставил свои труды, я был битком набит неземными, т. е., вернее, не обычными (людскими) идеями, вечно витал в облаках, страстно увлекался Евангелием. Но в то же время у меня была очень страстная натура, счастливая наружность. Меня тянуло к женщинам, я непрерывно влюблялся (что не мешало мне сохранить не загрязнённое, не запятнанное ни малейшим пятнышком наружное целомудрие). Несмотря на взаимность, романы были самого платонического характера, и я, в сущности, ни разу не нарушил целомудрия. (Они продолжались всю жизнь до 60-летнего возраста.)

Но идеи всё вытесняли, все начинания уничтожали. Я решил не следовать страстям, а как можно скорее жениться без любви на доброй и трудящейся девушке, которая не могла бы препятствовать моим стремлениям. В том же году осенью я выполнил своё намерение. Тут помер отец, с которым я давно примирился, и даже через несколько дней после отчаянной ссоры (неприятности).

Увлечение идеями, несмотря на мою страстность, было такое полное, что я как уехал из Рязани, так ни с кем из родных больше не виделся, хотя со всеми переписывался. Женитьба эта тоже была судьбой и великим двигателем. Я, так сказать, сам на себя наложил страшные цепи. В жене я не обманулся, дети были ангелы – как и жена. Но половое чувство сердечной неудовлетворённости – самой сильнейшей из всех страстей, заставляло мой ум и силы напрягаться и искать... К вечному унижению глухоты присоединилось непрерывно действующее неудовлетворённое сердечное чувство. Эти две силы гнали меня в жизни, как не могли гнать какие бы то ни было выдуманные, искусственные или педагогические средства. Я всё время искал, искал самостоятельно, переходил от одних трудных и серьёзных вопросов к другим, ещё более трудным и важным. Сдерживались мои мысли и фантазии только наукой.

Но книг было мало, учителей у меня совсем не было, а потому мне приходилось больше создавать и творить, чем воспринимать и усваивать. Указаний, помощи ни откуда не было, непонятного в книгах было много, и разъяснять приходилось всё самому. Одним словом, творческий элемент, элемент саморазвития, самобытности преобладал. Я, так сказать, всю жизнь учился мыслить, преодолевать трудности, решать вопросы и задачи.

Многие науки создавались мной за неимением книг и учителей прямо самостоятельно.

Случилось так, что друзья мои как-то сразу все разъехались. Я чувствовал себя далеко не ладно. Старался заглушить новыми работами скуку. Был очень одинок. (Не пил никогда. Ни разу даже пьян не был.) Стал впадать в отчаяние. Увлекался ранее Евангелием. Придавал огромное значение Христу, хотя никогда не причислял его к сонму Богов. Я видел и в своей жизни судьбу, руководство высших сил. С чисто материальным взглядом на вещи мешалось что-то таинственное, вера в какие-то непостижимые силы, связанные с Христом и Первопричиной. Я жаждал этого таинственного. Мне казалось, что оно меня может удержать от отчаяния и дать энергию. Я пожелал в доказательство видеть облака в виде простой фигуры, креста или человека. Желал (думал) и забыл.

Прошло, вероятно, несколько (месяцев) недель. Мы переехали на другую квартиру (дом Ковылёвых, Калужская ул., дом через год сгорел) (в Боровске Калужской губернии – В. А.). Интересовался направлением ветра, погодой и т.д. Вдруг вижу в южной стороне, не очень высоко над горизонтом, облако в виде очень правильного четырёхконечного креста. Форма была так правильна, что я очень удивился и громко звал жену посмотреть на странное облако. Вероятно, она была занята в доме или не слыхала, только не пришла. Когда я смотрел на него, я совершенно забыл про своё желание. Долго я следил за облаком, и форма его сохранялась. Затем это мне надоело, и я стал смотреть по сторонам или задумался – не знаю. Только погодя немного, опять взглянул в ту же сторону. Теперь я был не менее удивлён, так как видел облако в форме человека. Фигура была отдалённая, некрупная, ясно были видны руки, ноги, туловище и голова. Фигура тоже правильная, безукоризненная, как вырезанная грубо из бумаги. Опять я звал жену, но она опять не пришла. Фигура сохранялась всё время, пока я смотрел на неё, я мог бы пойти и позвать жену, но зрелище мне показалось настолько интересным, что я эгоистично не мог от него оторваться.

Потом уже я вспомнил, что загадал об этих фигурах ранее. Ни прежде, ни потом, во всю свою жизнь, я не видел ничего подобного. Это было должно быть в 1885 году весной (на 28-м году от рождения).

Грустное время было.

Это странное явление в связи с моими предыдущими мыслями и настроениями имело громадное влияние на всю мою жизнь: я всегда помнил, что есть что-то неразгаданное, что Галилейский учитель и сейчас живёт и имеет значение (и оказывает влияние) до сих пор. Это придавало интерес тяжёлой жизни, бодрило. Я говорил себе, что ещё не всё потеряно, что есть что-то, что может поддержать,

спасти. Несмотря на то, что я был проникнут современными мне взглядами, чистым научным духом, во мне одновременно уживалось и смутно шевелилось ещё что-то непонятное. Это было сознание неполноты науки, возможности ошибки и человеческой ограниченности, весьма далёкой от истинного положения вещей. Она осталась и теперь и даже растёт с годами.

В 1902 году ... последовал новый удар судьбы: трагическая смерть сына Игнатия. Опять наступило страшно грустное, тяжёлое время. С самого утра, как только проснёшься, уже чувствуешь пустоту и ужас. Только через десяток лет это чувство притупилось. Горе это и соответствующая ощущению мысль об отчаявшихся безнадежно людях, потерявших почву под ногами и желание жить (как сын), заставляло меня писать мою «Этику» с начала 1903 года.

Это несчастье смягчило сердце, укротило хоть немного характер, направило меня к небу, к будущему, к бесконечности, может быть, спасло от множества преступлений. Если бы не это горе – я не написал бы свою «Этику». Гибель одного спасла многих. И не думаю, чтобы она была бесплодной.

Характер у меня вообще, с самого детства, скверный, горячий, несдержанный. А тут глухота, бедность, унижение, сердечная неудовлетворённость, и вместе с тем пылкое, страстное до безумия стремление к истине, к науке, к благу человечества, стремление быть полезным, выбраться из застенка с той же целью, полное, ради этого, пренебрежение средними человеческими обязанностями.

На последний план я ставил благо семьи и близких. Всё для высокого. Я не пил, не курил, не тратил ни одной лишней копейки на себя, например, на одежду. Я был всегда почти впроголодь, плохо одет. Умерял себя во всём до последней степени. Терпела со мной и семья. Мы были, правда, довольно сыты, тепло одеты, имели тёплую квартиру, не нуждались в простой пище, дровах и одежде. Но я часто на всё раздражался и, может быть, делал жизнь окружающих тяжёлой, неровной. Не было сердечной привязанности к семье, а было напускное, не натуральное, теоретическое. И едва ли это было легко окружающим меня людям. Была жалость и правда, но не было простой страстной человеческой любви.*

*Автограф хранится в Архиве РАН. Ф.555. Оп.2. Д.1. Л.1 – 16. Текст печатается по изданию: Фатум, судьба, рок. (Из автобиографии). – Отечественные архивы. – 2001. – №2. – С. 47–51.